

В.В. КРИВОШЕЕВ

ОСОБЕННОСТИ АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

КРИВОШЕЕВ Владимир Вениаминович - доктор социологических наук, заместитель начальника кафедры социально-философских дисциплин, экономики и психологии Калининградского юридического института МВД РФ.

Дисфункциональность основных социальных институтов, патология социальных связей и взаимодействий в современном российском обществе, которые выражаются, в частности, в несокращающемся числе случаев девиантного и делинквентного поведения, то есть все то, что со времен Э. Дюркгейма определяется как *аномия*, постоянно анализируется представителями разных отраслей обществознания [1]. При этом подходы к выявлению причин современной аномии, а также к рассмотрению условий протекания негативных процессов, их содержания, перспектив социального оздоровления российского социума существенно отличаются. Одна группа социологов, политологов, криминологов полагает, что современное аномийное состояние общества не более чем издержки переходного периода, свойственные всем трансформирующимся обществам, в частности, восточноевропейским, в которых уже более десяти лет кардинально изменяются социально-экономический уклад, политический строй [2]. Другие рассматривают происходящее с позиций катастрофизма, выделяют определенные социальные параметры, свидетельствующие, по их мнению, именно о необратимости негативных процессов в обществе, его неотвратимой деградации [3].

На наш взгляд, подобные "разногласия" свидетельствуют об определенной теоретической растерянности перед лицом крайне непростых и, безусловно, не встречавшихся прежде проблем. Представляется, что аномийное состояние нашего общества имеет немало специфичных черт. Но прежде чем обсудить их, хотелось бы осуществить небольшой экскурс в историю социологической мысли.

Как уже отмечалось, впервые социологически выразил идею рассогласования моральной и правовой регуляции в обществе Э. Дюркгейм. Для него, подчеркнем, аномия свойственна трансформирующемуся типу общества, осуществляющему переход от традиционного к индустриальному состоянию, когда резко изменяются структура, иные свойства и характеристики социума. Сегментарная модель традиционного общества с немногочисленным набором ясных, однозначно трактуемых норм, предписаний уступает место целостному социуму, в котором индивиду не так просто среди совокупности подчас противоречащих и многочисленных образцов и стандартов поведения выбрать достойные повторения. "Функциональное разнообразие влечет за собой моральное, - отмечает французский социолог, - которое ничто не может предупредить; одно неизбежно возрастает вместе с другим... Коллективные чувства все более бесильны сдерживать центробежные тенденции, которые, как думают, порождаются разделением труда,... эти тенденции увеличиваются по мере усиления разделения труда, а с другой стороны - сами коллективные чувства в то же время ослабевают" [4]. Именно упадок в новых условиях этих коллективных представлений, действующих как объективные социальные факты, ослабление индивидуального осознания приобщенности к тем нормам, которые были свойственны замкнутой корпорации, и вызываются самим переходом к обществу промышленного типа. Это означает наступление аномии.

В условиях уже сложившегося индустриального общества и применительно к его американскому варианту развивает концепцию аномии Р. Мертон. Выстраивая рассуждения в координатах "цель действия - средства ее достижения", он отмечает явную недостаточность одобряемых социумом способов реализации даже тех образцов, стандартов поведения, которые официально поддерживаются обществом и его институтами. Раскрывая потребительские ориентиры, присущие американскому социуму, Мертон отмечает, что навязывание индивидам определенного стиля поведения наталкивается на ограниченность легальных способов его поддержания. В результате инновационная модель действия может привести к прямому нарушению норм-запретов, свойственных в данный момент обществу, вести к нарастанию преступных проявлений. Индивид может попасть и реально попадает в положение, когда действуют несовместимые требования доминирующей культуры. С одной стороны, от него требуют, чтобы он ориентировал свое поведение "в направлении накопления богатства, а с другой - ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом" [5].

Интерес представляет наблюдение Мертона относительно механизма поведения индивида, вызываемого рассогласованием требований к нему. Речь идет, во-первых, о символической, безличной природе денег, обладание которыми не несет отпечатка их законного или незаконного получения. Во-вторых, культура индустриального общества, особенно больших городов, носит анонимный характер, что означает, ко всему прочему, весьма слабую доступность контролю большинства поведенческих актов людей со стороны группы [6]. Надо подчеркнуть, что указанная концепция в целом может быть применена к анализу и других социокультурных систем. Вместе с тем, как представляется, она в большей степени раскрывает своеобразие установок, норм и ценностей, характерных именно для американского общества.

Таким образом, в классических теоретических построениях аномия, мыслимая и как нарушение моральной регуляции в силу изобилия противоречивых социальных норм, и как расплывчатость, условность, относительность оценок асоциальных актов, и как несоответствие провозглашаемых социумом целей поведенческим установкам людей, предстает в качестве такого феномена, который сопутствует обществу на различных стадиях его развития. Применительно к современному состоянию дисфункциональные, дезинтеграционные процессы, находясь в центре внимания исследователей, получают отражение на основе сравнительно нового категориального аппарата. Речь, в частности, идет о развитии концепции социальной травмы, позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований [7]. Во всех своих проявлениях аномия все чаще оценивается как неизбежное следствие усложнения социальной структуры, всей совокупности отношений и взаимодействий в ходе самодвижения социума к неким новым состояниям в условиях небывалых прежде коммуникационных возможностей, утилитарного подхода к моральным и правовым ценностям, сложившегося в XX в. Современная критическая социология все в большей мере фиксирует ущербность массового индустриального общества, растворяющего индивида в аморфном стандартизированном социуме [8], в котором почти невозможно различение негативной реальности и ее виртуальной, компьютерно-игровой или видеоверсии.

Что касается современного российского общества, то оно, пребывая уже достаточно длительное время в условиях глубочайшей трансформации, так же как и другие в подобных ситуациях, не может не испытывать, как уже отмечалось, дисфункциональные напряжения. И российский социум в настоящем своем качестве, разумеется, также ориентирован на некие общие потребительские стандарты, которые свойственны любому другому обществу, основанному на рыночных механизмах. Это делает возможным в определенной мере применение к анализу всего происходящего в нашем социуме мертоновской аналитической схемы.

И все же сравнительно поздний переход к рынку, своеобразие исторических, ментальных характеристик российского социума, многие другие аспекты его реального функционирования предопределяют специфические черты проявления аномии.

Во-первых, *аномия российского социума реально проявляется в процессе перехода общества от некоего целостного состояния к фрагментарному, атомизированному.* То есть, аномия современного российского общества происходит в условиях, противоположных тем, которые исследовал Дюркгейм. Сказанное нуждается в пояснении.

На наш взгляд, советское общество путем весьма болезненных социальных травм выросло до относительно целостного образования, что, конечно, не исключало наличия в нем и разного рода конфликтов и идейных разночтений, особенно в последний период его существования. К примеру, фиксация появления новой исторической общности - советского народа - была, конечно, во многом идеологизированным актом. Данная идеологема, выступавшая в качестве предписания власти, в свою очередь, породила понятийное клише, которое применялось в оправдание нивелирования этнических различий. И все же общие духовные черты, характеристики правовой, политической, экономической, технической культуры можно было отметить у представителей по сути всех слоев, групп, в том числе и национальных, составлявших наше общество. Относительная закрытость общества, специфика его социально-политической подсистемы порождали неразвитость, своеобразную наивность восприятия реальности у миллионов и миллионов людей, их беспомощность в ее оценке, самоотчуждение от политики. Надо к тому же иметь в виду, что несколько поколений людей формировались в духе коллективизма, едва ли не с первых лет жизни воспитывалось сознание некоего долга перед другими, всем обществом.

Одновременно целые поколения принуждались к весьма своеобразной адаптации к обстановке, когда востребованными оказались такие черты индивида, как социальная пассивность при разрешенной показной активности, доносительство при его официальном оправдании необходимостью укреплять безопасность страны и повышать бдительность в условиях враждебного окружения. Несколько поколений социализировались при непрекращающихся разоблачительных идеологических кампаниях, когда каждое последующее политическое руководство начинало свою деятельность "с развенчивания", как говорилось, недостатков, подлинных и мнимых, предшественников. Можно, вероятно, выделить и иные ментальные черты, получившие закрепление в массовом сознании в отмеченный период, но в данном случае важно подчеркнуть лишь то обстоятельство, что такая, во многом идеологически удерживаемая целостность общества в период смены ценностных предпочтений оказалась в ситуации серьезного испытания. А многие характеристики ментальных структур, казалось бы, столь устойчивые прежде при непрочности, ненадежности их внутренних оснований, стали достаточно быстро уступать место иным установкам: корыстолюбию, индивидуализму, циничному прагматизму. Атмосфера разоблачительства, осмеяния политической элиты породила ситуацию, скажем так, изверия. Индивиды, сцепленные друг с другом и удерживаемые в связанности, помимо прочего, и элементарным страхом, внутренне были готовы к крайней индивидуализации социальной жизни.

Ныне общество все больше воспринимается людьми как поле битвы за сугубо личные интересы. При этом оказались деформированными пусть порой и непрочные механизмы сопряжения интересов разного уровня. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии. Вероятно, с некоторой долей гипотетичности можно говорить о том, что нечто подобное переживают и другие страны, входившие прежде в социалистическую систему, хотя они и много позже вступили в свое время на путь масштабного утверждения коллективистских начал социальной жизни.

Во-вторых, *специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности.* Конечно, и прежние этапы развития нашего социума нельзя считать стерильными в этом отношении. Вероятно, можно указать целые периоды в истории России, когда степень криминальности была исключительно

высокой [9]. Но общество всегда имело потенциал сдерживания избыточной криминальной активности, понижало ее уровень до социально приемлемого. Скажем, в начале 50-х годов минувшего века в сознании людей даже карманная кража воспринималась как чрезвычайное происшествие, чего, естественно, нельзя сказать применительно к нынешним условиям функционирования социума [10]. Кроме того, надо иметь в виду, что преступный социальный мир долгое время воспринимался массовым сознанием как сугубо негативный, находился на периферии социальной жизни.

Что касается современной ситуации, то аномия выступает в наших отечественных условиях фактически в *форме криминализации* всего социума. Разумеется, любое нарушение моральной и правовой регуляции вызывает нарастание числа преступных поведенческих актов индивидов. Еще Дюркгейм тесно увязывал аномийное состояние общества с ростом в нем преступности.

Под криминализацией мы понимаем не только и не столько увеличение числа зарегистрированных преступлений и лиц, которые их совершили, а более сложный социальный феномен. Сводить только к таким статистическим параметрам это социальное явление, на наш взгляд, нельзя. Как нельзя и излишне изолированно рассматривать все социальные феномены: невозможно, к примеру, отделять экономические неурядицы, социальные катастрофы целых регионов страны, растущую обездоленность многих подростков и молодежи от значительного влияния криминалитета, то есть преступного социального мира. *Криминализация общества - это такая форма аномии, когда стирается сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия.* Преступный социальный мир уже не находится на социальной обочине, он - на авансцене общественной жизни, оказывает существенное воздействие на все ее грани.

Кроме того, криминализация означает появление таких поведенческих актов, которые прежде лишь в единичных случаях фиксировались в нашей стране либо не отмечались вовсе. Речь идет, к примеру, о заказных убийствах, криминальных взрывах, захвате заложников, открытом терроре против тех представителей власти, которые не согласны жить по законам преступного социального мира. *Криминализация на поведенческом уровне выражается и в ускоренной подготовке резерва преступного мира*, что связывается нами со все большим вовлечением в антисоциальные действия молодежи, подростков, разрушением позитивных социализирующих возможностей общества.

Криминализация проявляется и в духовной сфере. Здесь особенно угрожающим предстает растущий нигилизм в отношении к праву, механизмам его действия. *Право как ценность, регулятор поведения все больше замещается своеволием, групповой целесообразностью*, утрачивает свою привлекательность. Разумеется, и в советский период истории право не являлось атрибутивным свойством нашей социокультурной системы. Тем не менее сейчас даже непрочные барьеры на пути неправового сознания утрачиваются.

Неустойчивость положения средних слоев - основы стабильности и позитивной социальной активности любого общества, декомпозиция социальной структуры российского социума в целом [см. 11] выражаются и в том, что *роль среднего класса в наших условиях фактически играют определенные группы преступного социального мира.* На наш взгляд, есть основания считать криминализацию современного российского общества весьма специфической формой такого социального феномена, как аномия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Бойков В.Э.* Бумеранг социального самочувствия // Социол. исслед. 1998. № 1; *Кудрявцев В.Н.* Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования. М., 1998; *Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997; *Максимов А.* Российская преступность: Кто есть кто. М., 1997; *Руткевич М.Н.* Процессы социальной деградации в российском обществе // Социол. исслед. 1998. № 6; *Рывки-*

- на Р.В. Социальные корни криминализации российского общества // Там же. 1997. № 4. и др.
2. См.: Серов Н.К. Судьбы России: естественные предпосылки целостности и самостоятельности // Социально-политический журнал. 1996. № 1; Цанф В. Теории модернизации и различие путей общественного развития // Социол. исслед. 1998. № 8.
 3. См.: Бабосов Е.М. Катастрофа как объект социологического анализа // Социол. исслед. 1998. № 4; Локосов В.В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Там же. 1998. № 4.
 4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 370.
 5. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М, 1966. С. 309.
 6. См.: там же. С. 304.
 7. См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1; Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социол. исслед. 2001. №2.
 8. См.: Дарендорф Р. К критике социологии и ее истории // Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002. С. 85-173.
 9. См.: Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.
 10. См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 161.
 11. См.: Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социол. исслед. 1999. № 9.